

НЕДОСКАЗАННОЕ СЛОВО

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Записки придворного сыщика

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Недосказанное слово

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сухов Е.

Недосказанное слово / Е. Сухов — «Эксмо», 2026 — (Записки
придворного сыщика)

ISBN 978-5-04-250985-8

Последняя улика умирает на полуслове. 1903 год. В Москве, в Живодерной слободе, смертельно ранена ножом мещанка Матрена Кулебякина. По дороге в больницу она ненадолго пришла в себя и на вопрос фельдшера «Кто на вас напал?» ответила: «Жил...», после чего скончалась. По этой наводке следователь задержал жениха Матрены Тавриона Жилинского, которому она незадолго до этого отказала. Однако вскоре выяснилось, что у него есть алиби... Разобраться в запутанном деле поручено судебному следователю по особо важным делам Ивану Федоровичу Воловцову. Он пересматривает круг подозреваемых и наконец выясняет мотив преступления. Да так точно, что сам становится мишенью для убийцы... Исторический детектив о преступлении начала прошлого века. Автор настолько увлекательно погружает в атмосферу того времени, что мы буквально слышим грохот мостовой, шум городского базара, звон колоколов и пронзительные свистки городских...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-250985-8

© Сухов Е., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Часть I. Дело об убийстве в Живодерной слободе	6
Глава 1. Неразгаданные буквы. 6 августа 1903 года	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Евгений Сухов

Недосказанное слово

© Сухов Е., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Часть I. Дело об убийстве в Живодерной слободе

Глава 1. Неразгаданные буквы. 6 августа 1903 года

Чтение папок с уголовными делами – занятие не самое увлекательное; скорее, оно на любителя. Впрочем, находятся и такие люди, для которых перелистывание следственных материалов сродни занимательной литературе. Таких хлебом не корми – дай только почитать об убийствах, поджогах, насилиях, грабежах и прочих нарушениях общественного порядка и благостойности.

Особое же удовольствие им доставляют дела, снабженные многочисленными фотографиями, будоражащими воображение.

Иван Федорович Воловцов, судебный следователь по особо важным делам при Департаменте уголовных дел Московской судебной палаты, к числу подобных ценителей не принадлежал. Тем не менее папки со следственными делами он просматривал постоянно и скрупулезно – не из любопытства, разумеется, а по долгу службы.

Наиболее значимые детали он дотошно заносил в памятную книжку; важные места перечитывал по нескольку раз; отмечал неясности, требующие дополнительного расследования: где следовало вызвать свидетелей, где вновь изучить улики. Существенные моменты, способные пролить свет на личность преступника, он подчеркивал красной чертой; на полях делал пометки, ставил вопросительные знаки, отмечал звездочками. Порой ограничивался краткими словами – «подтвердить», «выяснить» и тому подобное.

И дело было даже не в том, что он являлся судебным следователем – должностным лицом, на котором лежала большая ответственность и которому надлежало решать дальнейший ход уголовного дела: возбуждать следственные действия, принимать в свое производство уже начатые дела, а подчас и доводить до конца те из них, что были запущены нерадивыми предшественниками.

Главное заключалось в другом: по складу своего характера Иван Федорович просто не умел работать спустя рукава. Всякое порученное дело он стремился довести до полной ясности, неизменно стараясь докопаться до самой сути.

А незавершенные дела встречались нередко.

Порой расследования заходили в тупик по вполне прозаической причине – из-за человеческой усталости и перегруженности: внимание притуплялось, нить следствия ускользала, и важные обстоятельства оставались незамеченными. Что ж, такое порой происходит. В подобных случаях виновного обычно просили подать в отставку или переводили на тихую канцелярскую должность, а то и вовсе отправляли работать в архив, где наибольшую опасность представляли разве что орфографические ошибки.

Но бывало и иначе...

Если же следствие велось недобросовестно, намеренно – со злым умыслом, с целью очернить невиновного или, напротив, обелить злоумышленника, – тогда дело принимало более серьезный оборот. Подобное уже не прощалось. Особенно если истина искажалась за вознаграждение. В таких случаях нерадивый служака рисковал расстаться не только с должностью, но и с собственной свободой.

Дело, которое намеревался рассмотреть Иван Федорович, в свое время вызвало значительный общественный отклик. По нему немногим более полугода назад было вынесено постановление о прекращении производства: преступник считался установленным, изобличенным и осужденным.

Однако мать приговоренного – немолодая женщина лет пятидесяти пяти – предприняла нечто вроде собственного расследования. Явление редкое, почти исключительное, но в данном случае, как ни странно, принесшее результат. Она подала кассационную жалобу в Правительствующий Сенат, указав на ряд существенных недочетов и нарушений, допущенных в ходе следствия.

По ее убеждению, были допрошены далеко не все свидетели – и прежде всего отсутствовали именно те, чьи показания могли пролить свет на истинное положение вещей и оказаться решающими для следствия. Косвенные улики между тем были поспешно возведены следствием в разряд прямых и непреложных доказательств, тогда как в действительности они лишь намекали на цепь промежуточных обстоятельств и вовсе не устанавливали самого факта преступления.

Сенатская комиссия, ознакомившись с жалобой и приведенными в ней доводами, сочла их заслуживающими внимания. Приговор был вскоре отменен, а дело направлено на новое рассмотрение и повторное расследование другим составом суда.

Проведение этого расследования было поручено судебному следователю по особо важным делам, коллежскому советнику¹ Ивану Федоровичу Воловцову.

Приняв дело и расписавшись в его получении, Иван Федорович засел за чтение. С бумагами по делузнакомился неторопливо и обстоятельно, рисуя в воображении картины происшествия, которые во многом дополняли сухие строчки протоколов и даже пространственные свидетельские показания. Сторонников подобного подхода к ведению и видению следственных мероприятий и действий в среде судебных следователей находилось немного. В основном эта категория государевых служащих предпочитала иметь дело с сухими фактами, обходясь без домысливания и всяческих фантазий на тему...

Нахождение прямых улик и доказательств, констатация фактов и обоснованность выводов по делу – вот главные обязанности и основное кредо любого судебного следователя. К ним неотъемлемо прилагались внимательность, точность и беспристрастность. Судебный следователь обязан был тщательно проверять показания, сопоставлять факты, выявлять скрытые связи и мотивы фигурантов, а также не упускать малейших деталей, способных повлиять на исход дела. От действий судебного следователя зависела не только законность процесса расследования, но и судьба обвиняемых, потерпевших и здоровье общества в целом. И это было обоснованно и, несомненно, правильно.

Хотя умение воссоздавать действия преступника в воображении было для судебного следователя делом вовсе даже не лишним. Этим даром активно пользовался Иван Федорович, и, возможно, именно он помогал ему раскрывать самые запутанные, порой почти таинственные дела. С такой фантазией и натурой явного художника у Воловцова наверняка получилось бы писать сыщицкие повести или даже романы.

Ведь тридцать лет назад творил писатель Семен Панков, некогда служивший судебным следователем, который писал «юридические» рассказы и повести. Иван Федорович даже читал одну из его книг – кажется, она называлась «Убийство в городе Медведково».

Действительно, он тоже бы мог, как этот самый Панков, ярко и подробно, а главное, убедительно передавать тонкости ведения следственных действий, хитрости розыска и приемы работы с преступниками, что наверняка заинтересовало бы многих российских читателей.

Однако мысль заняться писательством Воловцова никогда не посещала. Ему хватало собственных забот иного рода – тех, что касались повседневной жизни и безопасности людей, а не вымышленных героев, созданных воображением беллетриста и запечатленных на страницах книги.

¹ Коллежский советник – гражданский чин VI класса в Табели о рангах, соответствовал чинам армейского полковника и флотского капитана I ранга.

* * *

Итак, в один из августовских дней 1903 года, в праздник Преображения Господня, именуемый в простонародье Яблочным Спасом, в Живодерной слободе Первопрестольной произошло несчастье, всколыхнувшее всю округу. Была убита – точнее, смертельно ранена ножом – молодая мещанка Матрена Кулебякина, горничная и одновременно компаньонка содержательницы «Трактира на Кровянке» Генриетты Павловны Свирской, владелицы двухэтажного дома, стоявшего по правую руку от трактира, в том же дворе.

Гибель девицы Кулебякиной внесла в слободу сумятицу. Ибо, несмотря на зловещее свое название, Живодерка – так звали ее сами жители и коренные москвичи – отличалась нравом скорее тихим и миролюбивым, нежели задиристым. Люди здесь жили простые, непритязательные, не склонные ни к буйству, ни к какому-то там злодейству.

И это при том, что слободчане вели свое происхождение от ремесла мрачного и тяжелого: их предки занимались забоем скота – главным образом старых, изнуренных или неизлечимо больных лошадей. Клячу приводили на живодерню, и там двое-трое мужиков, в кожаных фартуках и тяжелых сапогах, молча принимались за свое смертоносное дело – зрелище, от одного лишь вида которого у постороннего, непривычного человека стыла кровь в жилах.

Труд этот, грубый и безжалостный, не мог не оставлять следа в душе людей: он ожесточал, притуплял чувствительность, менял нрав. И все же даже среди людей, с детства привыкших к подобным зрелищам, убийство молодой барышни – да еще столь дерзкое и нелепое – казалось чем-то из ряда вон выходящим.

А происходило умерщвление животного следующим образом...

Прежде всего голову животного туго притягивали ремнями к врытому в землю столбу. Затем следовал тяжелый, глухой удар обухом по голове – короткий, решительный, без лишних слов. Оглушенную лошадь поспешно валили на бок, и дело продолжалось уже в полном молчании: каждый выполнял свою часть обязанностей.

Кровь – темная и густая – стекала прочь и по канавкам уходила в близлежащую речушку, окрашивая ее воды в мутно-розовый оттенок; оттого, поговаривали, и прозвали ее Кровянкой.

Далее начиналась разделка – работа точная, привычная, требующая сноровки и силы. Острые ножи мелькали в руках, и туша, еще недавно бывшая живым существом, постепенно теряла прежний облик, распадаясь на части в установленном, почти не нарушаемом порядке.

Зрелище это было тяжелым и гнетущим; к нему привыкали годами, да и то не всякий мог остаться прежним, ежедневно имея дело с подобным ремеслом...

К началу двадцатого века живодерни в слободе почти исчезли – уцелела лишь одна, да и та доживала последние годы. Однако названия остались прежними: речушка по-прежнему звалась Кровянкой, а сама слобода – Живодерной. Располагалась она на левом берегу этой самой речки и с одной стороны граничила с селом Троицкое-Андреево, принадлежавшим многочисленному дворянскому роду Андреевых. С других сторон к слободе вплотную подступали пустующие земли, известные под названием Канатчикова дача, представлявшие собой пейзажную, но уже активно осваиваемую городскую окраину. Когда-то городские власти подумывали устроить там новые живодерни, но от этого замысла по каким-то причинам отказались.

Неподалеку находилась и Даниловская слобода, раскинувшаяся у Серпуховской заставы, а чуть далее – Калужская застава, откуда к дачам на Воробьевых горах тянулась конка.

Живодерная слобода вошла в черту города лет с сорок тому назад. Место это почиталось живописным и для проживания благостным. Аккуратные домики с просторными садами да огородами, ровные улочки без рытвин и ухабов да речушка под боком – та самая, что берет начало с Воробьевых гор.

И хотя именовалась она по-прежнему Кровянкою, воды ее к тому времени уже давно очистились и изобиловали золотым карасем да плотвой. Для городского рыбака такая добыча была в самый раз: плотва – и к вялению годна, и к засолу пригожа; карась же – рыба простая, да благодарная. Его и на сковороде зажарить можно до румяной корочки, и в печи запечь – с маслицем, с чесночком да поджаренным лучком, самое то! При умелом приготовлении выходило кушанье на диво славное – такое, что, как говорится, язык проглотить.

На одной из слободских улиц, именуемой Верхнею, неподалеку от «Трактира на Кровянке», стоит большой двухэтажный дом с мезонином. Крыша у него двускатная, а сбоку пристроена терраска – скорее для виду устроенная, нежели для какой-либо путной надобности. На ней и в погожий день чаю не распить: тесна уж больно, и одному-то развернуться непросто.

Именно в этом доме и разыгралась страшная трагедия, вызвавшая немалую ажитацию не только в самой Живодерной слободе, но и далеко за ее пределами. О случившемся заговорили по всей Москве: город велик, да слух в нем быстр – что ни приключится на одном конце, тотчас отзовется на другом. Да только вместо доброго слова чаще липкий шепот да пересуды разносятся.

А произошло вот что...

* * *

Домовладелица и содержательница «Трактира на Кровянке» Генриетта Павловна Свирская около десяти часов вечера возвращалась от гостей к себе домой. У Дорошевичей, куда она навещалась нечасто, но всякий раз надолго, и в этот раз ее не желали отпускать столь рано и уговаривали, как могли, повременить еще немного.

– Посидите еще хотя бы до одиннадцати, – увещевала Марина Дорошевич, переводя взгляд с гостыи на мужа. – Живем рядом, а видимся едва ли три-четыре раза в год. Вы ведь у нас известная домоседка... Посидите. А там Эраст вас и проводит – прямо до самого крыльца.

– До самого что ни на есть, – поспешил подтвердить Эраст Дорошевич и, для пущей убедительности, приложил руку к груди. – Честное слово.

– Ничего себе – «хотя бы до одиннадцати», – с легкой иронией повторила Генриетта Павловна. – Да я в это время уже в своей постельке лежу да второй сон вижу.

– Так нынче можно и попозже лечь, – возразила Марина. – Праздник ведь...

– Именно так, – живо подхватил Эраст. – Я вас провожу. Тут и ходу-то – меньше ста саженей.

– Благодарю покорнейше, да все же пойду, – мягко, но решительно ответила Свирская, не склонная изменять своим привычкам ни ради дружеского общества, ни ради праздника. – А блан-манже, сударыня, у вас был превосходный. Давно такого не отвеживала.

– Ах, жаль... – Марина Дорошевич пожалала плечиками и чуть поджала губы, сделавшись на миг похожей на обиженного ребенка, хотя лет ей было уже под пятьдесят.

– Позвольте, я вас провожу, – поднялся из-за стола Эраст.

– Нет, позвольте уж мне, – почти одновременно с ним встал двоюродный брат Марины, Альберт Иванович Барабышев, горделиво выпрямив спину, и галантно подал Свирской руку. – Не откажите в чести.

– Что ж, извольте... – с легким поклоном ответила Генриетта Павловна.

Генриетта Павловна благосклонно улыбнулась. Альберт Иванович пришелся ей по душе. В его манерах было что-то приятное – не назойливое, но внимательное, с той мерой обходительности, которая не тяготит, а располагает.

Она невольно подумала, что не прочь была бы продолжить это неожиданное знакомство – а там, глядишь, и сблизиться. Если бы он, к примеру, предложил увидеться вновь в ближайшие дни, она, пожалуй, не отказала бы... разумеется, после недолгого, для приличия, раздумья.

А отчего, в самом деле, нет? Женщина она свободная, обеспеченная, ни от кого не зависящая. Времена, когда за нее решали другие, давно миновали. Да и некому было решать: она уже много лет жила одна как перст и привыкла полагаться лишь на себя.

Что же до возраста... Альберту Ивановичу сорок семь, ей – пятьдесят четыре. Но разве в этом дело? Пустые условности. Женщина остается женщиной, покуда сама себя таковой ощущает – и годы тут не указ.

Да и что, в сущности, значат эти пятьдесят четыре? Вспомнилось вдруг: еще в прошлом столетии некая Анна Козьмина из Рыбинского уезда родила, будучи в возрасте далеко за пятьдесят, здорового младенца. А совсем недавно писали и о другой – Екатерине, из той же Ярославской губернии, – что разрешилась дочерью в сорок девять с половиной лет. Об этом даже в «Московских губернских ведомостях» упоминали.

Так что нет, пятьдесят четыре – это вовсе не закат. Скорее уж время тихой, зрелой жизни, когда многое становится яснее... И кое-что – возможно.

Барабышев гостил у Дорошевичей уже второй месяц. Приехал он из Вильны по коммерческим делам: поговаривали, что намерен закупить в Москве мануфактурного товара тысяч на пятнадцать. Дела, по-видимому, затянулись, раз принудили его столь долго задержаться в столице. А может статься, шли они и не столь успешно, как хотелось бы, – иначе едва ли рассудительный человек оставил бы свои предприятия в Вильне на столь продолжительное время без надзора. Впрочем, до того Генриетте Павловне не было никакого дела.

За все время ее пребывания у Дорошевичей Альберт Иванович держался большей частью молчаливо и лишь изредка, украдкой, поглядывал на гостью. Несколько раз их взгляды встречались, и всякий раз Генриетта Павловна без труда видела в его глазах – смесь почтительного восхищения и теплого, почти робкого обожания. Так на нее не смотрели уже давно. И это было не только приятно – это пробуждало в душе легкое, давно позабытое волнение и будило мысли, которым она прежде не давала ходу.

Покинув дом Дорошевичей, они направились к ее жилищу неторопливым, почти прогулочным шагом. Оба, казалось, не спешили расставаться. Так бывает, когда между людьми возникает едва уловимая связь – еще не имеющая точного названия, не осмысленная до конца, но уже отчетливо ощутимая. Связь, которая при благоприятных обстоятельствах способна со временем перерасти в нечто весьма серьезное...

Погода стояла для вечерних прогулок самая благоприятная – поистине бархатная. Ни жарко, ни прохладно; дышалось легко и свободно. Теплый, едва ощутимый ветерок чуть трогал еще зеленые листья, и сама тишина, укрывшая слободские улицы, казалась мягкой и уютной. Чувствовалась легкая грусть, которая не омрачала, а, напротив, придавала их настроению особую, тихую прелесть.

Как ни старались они идти медленно, растягивая дорогу, все же путь их окончился неожиданно скоро: вот уже и крыльцо дома.

– А это мой дом, я пришла, – тихо произнесла Генриетта Павловна и, чуть приподняв голову, посмотрела прямо в глаза своему спутнику. – Благодарю вас за то, что проводили.

– Не за что... – несколько смущенно отозвался Альберт Иванович. – Мне было приятно... пройтись с вами. – Он помедлил, словно решаясь, и, собравшись с духом, прибавил: – Позвольте спросить... быть может, мы еще как-нибудь прогуляемся?

Мужчина глядел на нее с явной надеждой, почти не скрывая волнения.

– Быть может... – ответила она после короткой паузы и едва уловимо улыбнулась.

– Прощайте. Я буду думать о вас, – произнес, уходя, Барабышев.

Вот теперь легкая грусть превратилась в настоящую грусть.

«Я тоже», – хотела было сказать Генриетта Павловна, но передумала, правильно решив, что это будет уже лишнее. (Шаг навстречу понравившемуся мужчине, даже если сильно хочется, первой делать не стоит. Надлежит дожидаться, когда такой шаг совершит первым муж-

чина.) После чего ступила на крыльцо и позвонила в дверь. Однако ей никто не открыл. Генриетта Павловна позвонила еще раз и еще, после чего стала беспрерывно дергать звонок в надежде, что ее кто-нибудь да услышит. Наконец, откуда-то сбоку, очевидно, из своей каморки, выбежал дворник Ерофей. Настоящее его имя было Ерикей Елкыбаев. Был он из касимовских татар, родители его обосновались в Москве еще в середине прошлого века. Ерофей, как его все называли, уставился во все глаза на барыню, – как, мол, так: хозяйке дома и не открывают.

– Чиво, не открывают? – удивленно спросил дворник с едва заметным татарским акцентом.

– Да. Видно, Мотя моя куда-то запропастилась, – посетовала Генриетта Павловна. – Наверное, с Горскими ласы точит. Вот я задам негоднице!

– Давайте я сыбегаю, пыгляжу, – предложил Ерофей и уставился на Свирскую, готовый мгновенно исполнить ее приказание.

И оно последовало, правда, в мягкой форме:

– Сделай милость...

На первый этаж дворник проник через черный вход. Вход на второй этаж, на котором проживали госпожа Свирская вместе со своей горничной и компаньонкой Матреной Кулебякиной, был заперт изнутри. Дворник прошел на кухню, но там находилась только Елена, супруга Аркадия Горского, крестника Генриетты Павловны. Елена пила чай с карамельными конфетами «Раковая шейка» «Фабрично-торгового товарищества А. И. Абрикосова и сыновей». Лицо ее выглядело раскрасневшимся, безмятежным и довольным. Оно и понятно: славно откусывать чаю с любимыми конфетами в вечерние часы, когда все дневные заботы завершены.

– Вы Матрену Ивановну не видели?

– Матрену Ивановну? – удивленно вскинула брови Елена Горская, поначалу не поняв, о ком идет речь. – А-а, Мотю, – наконец, догадалась она, о ком спрашивал дворник. – Так она на втором этаже.

Дворник кивнул и быстрым шагом направился обратно.

– Она на втором этаже, – сообщил дворник Генриетте Павловне, выйдя из дома.

– А почему тогда она не открывает? – поинтересовалась Свирская, понимая, что ответа на свой вопрос она все равно не дожидается. – Ступай-ка к Горским и позови Аркадия Ильича.

– Слушаюсь, барыня, – прозвучал незамедлительный ответ, и дворник вновь исчез в темном коридоре.

Генриетта Павловна подняла голову и заметила в окне своей квартиры какую-то неясную фигуру, едва различимую на фоне тусклых всполохов. «А это что еще за диковина такая?» – недовольно подумала хозяйка, отнюдь не предчувствуя приближения беды.

На кухне Елена Горская, как и прежде, неспешно пила чай с карамельными конфетами. Верно, это занятие доставляло ей истинное наслаждение, и прекращать его она не спешила.

– Барыня Генриетта Павловна спрашивают Аркадия Ильича, – обратился дворник, скользнув взглядом по лицу Елены.

– Мне думается, он тоже на втором этаже, – отхлебнула чай Елена Горская из цветастой фарфоровой чашки с ленивым, но довольным видом.

– Благодарствую, – буркнул Ерофей и удалился.

Вернувшись к ожидавшей на крыльце Генриетте Павловне, дворник доложил, что госпожа Горская о местонахождении Аркадия Ильича точно не ведаёт, лишь полагает, что он тоже на втором этаже. Свирская снова устремила взгляд к окнам, все так же не понимая, почему ей не открывают.

Человеческого силуэта в окне уже не наблюдалось. Зато вместо слабых мерцающих всполохов на стекле ярко разгорались языки огня, хищно пожирающие тяжелые портьеры, и ночь вдруг наполнилась запахом гари и треском пламени.

– Пожар! – донесся крик откуда-то со стороны трактира.

По двору побежал, замельтешил народ, будто вырвавшийся из ниоткуда. И, как водится, каждый необычный случай привлекает внимание обывателей: ибо пожар – событие далеко не рядовое, в котором всегда найдутся желающие принять участие или хотя бы поглазеть. Ведь огонь и вода, как известно, всегда приковывают взгляд.

– Ах ты... – нехорошо, по-русски выругался дворник и поспешил к темному входу.

Госпожа Свирская последовала за ним.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, дворник уперся в запертую дверь. Не долго думая, он со всей силой хрястнул по ней кулаком. Верхняя доска полотна треснула. Ерофей ударил еще раз, и половина треснувшей доски вылетела наружу. Он просунул руку в образовавшуюся дыру, пошарил ладонью за дверью и нащупал ключ, торчавший изнутри в замочной скважине – повезло! Повернул его, и замок щелкнул: дверь распахнулась.

В лицо ударил густой, тяжелый дым, горьковатый и удушливый. Сквозь него просматривалась комната, словно вывернутая наизнанку: вещи разбросаны, тяжелая мебель сдвинута с прежних мест, оба настенных креста валялись на полу, а диван был окрашен буро-красными пятнами.

У стены, в лужице алой, еще не запекшейся крови, лежала Мотя. Ее горло было перерезано; тело неподвижно, глаза закрыты – ни малейших признаков жизни. В воздухе стоял запах железа и гари, от ужаса застучала в висках кровь.

Картина была столь ужасающей, что всякий, увидь ее во сне, закричал бы от кошмара и, пробудившись, еще долго дрожал бы от животного страха. Но это был не сон. Это была явь – жестокая, холодная и беспощадная, оставляющая после себя лишь немую дрожь и глухое чувство безысходности.

Еще минута – и в квартире воцарилась невообразимая суматоха. Повсюду носились люди, сбежавшиеся на пожар и плотно заполнившие просторную гостиную Генриетты Павловны, куда при иной ситуации никому из них и на порог не войти. Одни спешили помочь с тушением, другие – в суете хватали то, что плохо лежало.

Гул стоял такой, что напоминал шум многолюдного базара: голоса перекрывали друг друга, и слова терялись в общей какофонии.

Вдруг чернявый мужик в холщовой рубаше, нанковых штанах и, по случаю праздника, в наброшенном на плечи пиджаке, подвыпивший и слегка шатавшийся, ухватил Мотю под руки. Он поднял ее с пола и, таща вниз, громогласно с вытаращенными глазами выговаривал кому-то невидимому:

– Ну уж не-ет... Тела-то я никому не отдам!

Генриетта Павловна хотела вмешаться, но дым, крики и мелькавшие люди полностью лишили ее ориентации – все вращалось вокруг, и мозг едва успевал воспринимать происходящее.

Вдруг из суматохи вынырнул Аркадий Горский. Она крикнула ему, едва различая сквозь шум собственные слова:

– Аркаша, помоги!

Горский что-то прокричал в ответ; его слова Генриетта Павловна не разобрала. Аркаша ринулся на огонь без колебаний – словно в рукопашную. Он распахивал окна; метался с ведрами из угла в угол, поливая воду на огонь; сбивал языки пламени душегрейкой; то исчезал в клубах дыма, теряясь из виду Генриетты Павловны, а то вновь внезапно выныривал – почти нереальный, как видение среди огня. Его движения казались беспорядочными, но в этой лихорадочной суете угадывалась твердая, почти упрямая уверенность человека, знающего, куда и зачем направлен каждый его жест. Уследить за ним было невозможно.

Комната утопала в дыму. Пламя, словно насмехаясь над усилиями людей потушить его, плясало по оштукатуренным стенам; тени метались, переплетались, сливались в одно живое беспокойное пятно. Воздух раскалился, задрожал, наполняясь гулом огня.

Народу набежало множество – слишком много. Люди толкались, путались друг у друга под ногами, кричали, суетились, больше мешая, нежели помогая. Откуда их образовалась такая прорва – оставалось большой загадкой. Многие были навеселе: лица разгоряченные, глаза мутные, движения неровные. Похоже, их принесло сюда прямо из «Трактира на Кровянке» госпожи Свирской, что стоял неподалеку; разогретые алкоголем, они спешили на пожар с тем же пылом, с каким еще недавно поднимали чарки, – и толку от них было совсем немного.

Когда, наконец, пламя было усмирено и в комнате остался лишь тяжелый, коптящий дух пожарища, Генриетта Павловна перевела взгляд на комод. Тот стоял не на месте – отодвинутый от стены, он будто выбился из общего строя вещей и теперь сиротливо торчал посреди комнаты, обнажив изломанную спину: несколько планок задней стенки были грубо выворочены.

При досмотре обнаружилось еще более тревожное: белье госпожи Свирской, хранившееся внутри, оказалось местами перемазано темной, уже подсыхающей кровью. Стало ясно – тот, кто ударил Мотю ножом, не просто ворвался, а потом бежал – он искал ценности. Лихорадочно, поспешно, он шарил по ящикам, рылся в белье окровавленными руками, оставляя после себя липкие следы.

И все же – ничего не нашел.

Деньги, восемьсот пятьдесят рублей ассигнациями, находившиеся в шкафу, остались нетронутыми. Шкатулка с драгоценностями тоже лежала там, где ей и полагалось быть. Вероятно, появление Генриетты Павловны застало его врасплох, и он поспешил быстро ретироваться, оставив после себя следы крови, разоренный комод и незавершенное злодеяние.

Выходило, что искали именно деньги и драгоценности хозяйки, госпожи Свирской.

А что Матрена Кулебякина?..

Матрена Кулебякина просто оказалась на пути злодея.

Вскоре во двор прибыли полицейские из Серпуховской части; следом, покачиваясь на рессорах, приехала карета «Скорой помощи». В суматохе и чаде никто сперва и не заметил, что чернявый мужик в холщовой рубахе, еще недавно возившийся возле Моти, вдруг исчез – словно растворился вместе с дымом.

Теперь у раненой склонился полицейский врач Пионтковский. Он работал быстро и молча, с привычной сосредоточенностью: ловкими, уверенными движениями прижимал марлевую салфетку к ране, накладывал повязку, проверял дыхание. Лицо его оставалось неподвижным, только взгляд становился все строже. Именно он первым сказал то, во что уже почти никто не верил:

– Жива... – тихо, но отчетливо произнес он. – Без сознания. Состояние крайне тяжелое, потеряла много крови... критическое. – Он выпрямился, огляделся и уже громче, с оттенком нетерпения добавил: – В больницу. Немедленно.

– Забирайте, коли надо срочно, – покладисто отозвался помощник пристава Серпуховской полицейской части коллежский асессор² Сидор Самсонович Горлохватский.

Он говорил лениво, но глаза его при этом внимательно оглядывали комнату – опрокинутую мебель, копоть на стенах, лица людей. Переглянувшись с околоточным надзирателем Деминым, он чуть наклонился к нему и уже вполголоса, но жестко произнес:

– А мы пока тут разберемся... свидетелей порасспрашиваем... Ты городовым наказал никого не выпускать?

Демин кивнул:

– Так точно!

– То-то же, – пробормотал Горлохватский, криво усмехнувшись. – А то знамо как бывает... Пока мы тут хлопочем, половину хозяйского добра по карманам растащат. А потом ищи-свищи!

² Коллежский асессор – в Табели о рангах это восьмой классный чин, соответствующий армейскому капитану.

Он снова обвел взглядом собравшихся – долгим, тяжелым, будто примеряясь к каждому.

– И допросить всех надо, – добавил он уже громче. – Может, кто чего и видел... или думает, что не видел.

В комнате стало теснее и тише. Даже те, кто еще недавно суетился и кричал, теперь невольно поубавили пыл: вместе с полицейскими сюда вошло нечто другое – холодное, цепкое, от чего не укроешься ни за дымом, ни за шумом пожара.

– Так точно, – по-военному отрезал околотовый. – Как только прибыли – тотчас и распорядился.

– Хорошо, – сухо заметил помощник пристава. – Ты это... огляди тут все как следует. Не спеши. В таких делах каждая мелочь цену имеет. Глядишь – что и зацепится.

– Слушаюсь, – коротко ответил Демин.

Он уже не смотрел ни на кого. Прищурившись, медленно обошел комнату, будто примеряясь к ней заново. Осторожно ступал между перевернутой мебелью, задерживался у закопченных стен, у раскрытого комода, у пятен на полу. Пальцы его едва касались вещей – не трогая, а словно запоминая. В этом деле он был человек тертый: умел видеть то, что ускользало от других, и подмечал всякую мелочь, если та хоть чем-то выбивалась из общего беспорядка.

Тем временем во дворе, под приглушенный гул голосов, фельдшер со своим помощником уложили Матрену на носилки. Осторожно, но поспешно ее вынесли, погрузили в карету, и та, скрипнув рессорами, тронулась с места.

Лошади пошли рысью.

Внутри кареты было тесно, душно и темно. Фельдшер Ивантеев, склонившись над раненой, время от времени проверял пульс – слабый, едва уловимый, словно тончайшая нить, готовая оборваться в любой миг. Колеса глухо стучали по мостовой, и каждый толчок отдавался в ее неподвижном безвольном теле.

И все же на мгновение Мотя очнулась. Веки ее дрогнули. Губы едва заметно шевельнулись, будто пытаясь выговорить что-то, удержать ускользающую и такую важную мысль.

Ивантеев встрепенулся, подался ближе, почти коснувшись ее бледного лица.

– Что? – поспешно, с напряжением в голосе спросил он. – Что вы сказали?.. Повторите... Кто на вас напал? Это важно!

– Жил... – только и удалось услышать Ивантееву до того, как дыхание Моти вдруг оборвалось и глаза начали стекленеть.

Через несколько секунд она покинула этот мир, не сотворив никому ни одного худого дела и не сказав никому слов оскорбительных, а тем паче поносных. Хорошие люди, они долго на этом свете не задерживаются...

* * *

– Что, только и всего она сказала? – переспросил на следующий день судебный следователь Черенков, не поднимая глаз от протокола.

Комната была освещена тусклым утренним светом; за мутным стеклом лениво тянулся серый день. Черенков, сжав тонкими пальцами перо, на мгновение замер, словно вслушиваясь не в ответ фельдшера, а в собственную мысль.

– Именно так, господин следователь. Жил! – ответил фельдшер.

– «Жил»?.. – Он медленно повторил, будто пробуя слово на вкус. – Странно... чрезвычайно странно.

Судебный следователь откинулся на спинку стула, прищурился.

– Поди разберись, что это такое... Начало фамилии? – проговорил он, постукивая пером по столу. – Или... о себе она так? Может, хотела что-то сказать напоследок важное... Да не успела.

В голосе Черенкова звучало не столько недоумение, сколько досада – тихая, почти личная.

И впрямь: как все могло бы сложиться иначе.

Скажи раненая чуть больше – одно имя, одну ясную деталь, – и дело уже сегодня приняло бы совсем иной оборот. Виновный был бы установлен, задержан, представлен... Все – быстро, четко, образцово! Раскрытое уголовное дело об убийстве легло бы уже на стол начальству, и, быть может, в очередном приказе прокурора Московского окружного суда, его превосходительства действительного статского советника³ Алексея Александровича Репейникова, мелькнула бы и его, Черенкова, фамилия – отмеченная, привеченная.

А там – глядишь – и вполне заслуженный чин! Так сказать, «верой и правдою...»

Но вместо этого – одно-единственное слово, вырванное из небытия и тут же в него канувшее.

«Жил...»

Судебный следователь Черенков поморщился, словно от терпкого привкуса, и вновь склонился над разложенными бумагами. Слово это не давало покоя – бесполезное, темное, упрямо не желавшее складываться ни во что определенное и значимое. А дело между тем уже становилось не простой кражей с убийством, а чем-то более запутанным, липким, как копоть на стенах сгоревшей комнаты.

– Нет... – медленно покачал головой фельдшер. – Было еще какое-то слово... первое. Но сказала она его очень тихо. Я его не расслышал. А когда наклонился к ней вплотную... спросил, кто на нее напал... тогда она и выговорила – уже яснее: «жил...»

³ Действительный статский советник – в Табели о рангах это четвертый классный чин, соответствующий армейскому генерал-майору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.